

Л. А. Морев*

Елецкий Знаменский женский монастырь и судьбы его насельниц в годы советской власти

Знаменский женский монастырь на Каменной горе был основан в 1683 г. по благословию свт. Митрофана, первого епископа Воронежского, на месте запустевшего скита елецкого Троицкого мужского монастыря с храмом в честь Курской иконы Божией Матери «Знамение». При учреждении штатов указом Коллегии экономии от 3 апреля 1764 г. Знаменская обитель была упразднена, но насельницы ее не покинули. После пожара 12 апреля 1769 г., уничтожившего большую часть Ельца, остававшиеся в обители монахини были переведены в воронежский Покровский женский монастырь. Возрождение иноческой жизни на Каменной горе связано с именем свт. Тихона (Сokolova), архиепископа Воронежского и Елецкого, Задонского чудотворца, в 1770 г. благословившего ельчанку Матрону Солнцеву восстановить монашескую жизнь в обители. В 1791 г. здесь проживали 42 насельницы. Монастырь был возобновлен указом Святейшего Синода от 18 декабря 1822 г. В «Историческом описании елецкого Знаменского девичьего монастыря, что на Каменной горе» иеромонаха Геронтия (Кургановского)¹ рассказ об истории монастыря оканчивается 1894 г., этой датой ограничиваются имеющиеся сегодня в литературе сведения о монастырской жизни. Однако обитель благоустраивалась и процветала еще четверть века², затем в ходе антирелигиозных гонений она была закрыта. 7 октября 2004 г. по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II началось восстановление елецкого Знаменского женского монастыря.

К началу XX в. Знаменский монастырь представлял собой жилой поселок с 200 деревянными домами³. До 1914 г. обителью управляла игуменья Рафаила, а по ее кончине обязанности настоятельницы были возложены на

* © Морев Л. А., 2008

Леонид Алексеевич Морев, сотрудник районной газеты «Задонская правда», член комиссии по канонизации святых Липецко-Елецкой епархии.

монахиню Антонию (Криворотову; около 1866 г.— после 1929 г.)⁴. После Октябрьской революции 1917 г. на Знаменский монастырь обрушились гонения. Формально он был упразднен и в документах именовался «бывшим», на деле же община сохранилась. В июне 1918 г. знаменских монахинь попытались обвинить в сочувствии «аргамачскому бунту» — стихийному выступлению части ельчан против грабежа, которому подвергались священнослужители⁵. Тем же летом в монастырь был направлен продотряд⁶. Эта акция не привела к закрытию обители: лишенные продовольствия насельницы пережили голодные месяцы благодаря помощи мирян. В 1919 г. знаменских монахинь обвинили в поддержке мамонтовцев⁷, на несколько дней занявших Елец. Через год власти развернули кампанию с целью разогнать монахинь, а здания забрать под городские нужды, однако жители города эти требования не поддержали⁸. Как вспоминала монахиня Маврикия (Лютикова), «в 1919 г., с ликвидацией мужского монастыря в Ельце⁹, в газетах и так, по народу, был разговор о том, что закроют и наш монастырь, но потом Губодежда дала наряды на пошивку белья для Красной армии, плетение веревочной обуви. Нам дали продукты, и мы остались в монастыре»¹⁰. В 1922 г. обстановка вновь обострилась. «Был слух о закрытии монастыря, были разговоры об этом, но потом, когда нам привезли работы, про это забыли и обрадовались, что будем жить по-прежнему», — рассказывала позднее насельница Каменногорья Устиния Суханова¹¹.

После обсуждения на совете старших монахинь игуменья Антония при поддержке настоятеля Знаменского храма протоиерея Владимира Кавказского (род. 1846 г.), благословила монахиню Маврикию (Лютикову) на создание артели из монахинь и послушниц. Артель была зарегистрирована в отделе кустарной и мелкой промысловой кооперации при Орловском губсовнархозе и губземотделе. Создание артели позволяло насельницам сохранить свои квартиры, «меньше платить за них, так как членам артели была скидка от власти». Тем не менее не все сестры поддержали это начинание: из 300 насельниц в артель вступили около 160¹². В 1926 г. артель была реорганизована в союз «по вязанию кружев, пряже пуха и другим работам», влившийся в Елецкий союз кружевниц. Это еще более углубило разногласия между сестрами. «На самом деле другие монастыри такие союзы не спасли. Я и другие не вступали в этот союз, потому что не дело монашеское вступать в союзы, так как пришли молиться — значит, молись», — такую позицию разделяли многие знаменские монахини, например Мариамна (Селиванова)¹³, чье высказывание сохранилось в следственном деле. Однако монастырь устоял. «Все осталось по-прежнему: устав, в церкви монастырский порядок, постриги в схиму и прочее», — вспоминала благочинная София (Ершова). В первые советские годы постриги совершались, как и раньше, в церкви за службой, затем тайно. Как явствует из материалов дела, возбужденного против руководства Каменногорской общины весной 1929 г., иеромонах Ювеналий (Булгаков) постриг 16 июля 1928 г. в схиму умиравшую монахиню Елену (Похачеву). Как вспоминала монахиня Мариамна, «делалось это в келье, а не в церкви, потому что боялись делать открыто»¹⁴.

Обителью до последних ее дней руководили, по словам монахини Тихоны (Дорогавцевой), «игуменья Антония, благочинная София, казначея Гавриила, уставщица по церкви Юлия»¹⁵. Однако сестра Мариамна (Селиванова) указала, что хотя формально игуменья Антония и сохраняла главенствующее положение, но, «так как она слаба здоровьем, ей помогает и является руководительницей монашек Маврикия (Лютикова)»¹⁶. Насельница Мария Нагавкина также подчеркивает, что «игуменья Антония ввиду ее болезни от дел отказывалась и монахини управляли в монастыре по установленным правилам»¹⁷. Тем не менее на следствии подчеркивалось, что, хотя «сама игуменья всем указывает, что она к монастырю отношения не имеет, без благословения ее ничего не делается»¹⁸. В храме сохранялось облачение настоятельницы и ее место. Как игуменю матушку Антонию поминали за богослужениями. Духовно окормляли обитель в этот сложный период протоиерей Владимир Кавказский и иерей Исидор Павлов, служившие в монастырском храме. Репрессии коснулись руководства монастыря в 1924 г. Игуменья Антония и протоиерей Владимир были арестованы и отправлены в Орел. Их дело орловский губернский суд рассмотрел 23 июня 1924 г. Приговор был вынесен условный, арестованных из-под стражи освободили, и они вернулись в монастырь. По воспоминаниям письмоводительницы Юлии (Ильиной), мать-настоятельница «возвратилась из заключения из г. Орла нервноразбитой и совершенно не способной к управлению в монастыре»¹⁹.

Знаменская обитель начиная со 2-й половины 1920-х гг. являлась центром для тех, кто сохранял верность Патриаршей Церкви. После 1927 г. вторым регионом по широте распространения иосифлянского движения²⁰ после Ленинградской епархии стала Центрально-Черноземная область, включавшая нынешние Воронежскую, Липецкую, Тамбовскую, Белгородскую и Курскую епархии, где возникло «буевское» движение²¹. 17 марта 1928 г. в Воронеж приехал священник елецкого Сергиево-Владимирского храма Сергей Бутузов. Он встречался с епископом Алексием (Бuem) «и переписал у него иосифлянские воззвания и послания»²². Вскоре для поддержки Бутузова в Елец прибыл игумен Питирим (Шумских), который помог в организации монашеской общины при Владимирской церкви, а затем и в отделении Знаменского монастыря от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского). Странникам епископа Алексия не пришлось долго уговаривать монахинь — противниц артели, даже в житейских мелочах не желавших быть лояльными к всячески утеснявшим их «советам». Еще до начала «буевского» движения здесь особым авторитетом пользовались духовные дочери отличавшегося резким неприятием новой власти владыки Николая (Никольского; 1879–1928 г.), с 9 октября 1921 г. до 19 июля 1926 г. бывшего епископом Елецким, викарием Орловской епархии. Знаменские монахини после кончины Преосвященного Николая переписывали и распространяли «Житие епископа Елецкого Николая», в котором жизнь и смерть владыки представлены «как сплошные мучения от советской власти»²³. Первоначально руководство обители сочувствовало противникам «Декларации» 1927 г. Во всяком случае, нет сведений о том, что игуменья препятствовала

совершению постригов сторонниками епископа Алексия. «В бытность мою в монастыре постриг от иеромонаха Питирима, находящегося в общении с епископом Алексеем, приняли Бутова Екатерина, Ольга, Елена, Мария, Александра и Анастасия Головина»²⁴, — рассказывала монахиня Тихона (Дорогавцева).

Однако вскоре разногласия внутри обители обострились, дойдя до открытого противостояния, так что каждой насельнице пришлось определить свою позицию. Из показаний на следствии известно, что с весны 1928 г. каменногорские сторонницы епископа Алексия перестали посещать Знаменский храм и ходили на службы в Сергиево-Владимирскую церковь. «[Весной 1928 г.] начала посещать Сергиевскую церковь в Черной слободе. Причины — религиозные убеждения... Священники отец Владимир и отец Исидор решили вступить в артель, во главе которой была Лютикова Маврикия. Все это заставило нас уйти от канонического общения с этими священниками»²⁵, — сообщила Мария Нагавкина. Некоторые насельницы Знаменского монастыря даже переселились с Каменной горы в общину, образовавшуюся при Сергиево-Владимирском храме. Из показаний на следствии монахини Тихоны (Дорогавцевой) известно, что в Сергиево-Владимирскую церковь ходили около 15 монахинь. Число, конечно, уменьшено, чтобы не привлекать внимание следствия, по этой же причине матушка Тихона показывала, что она якобы плохо знакома с этими монахинями и припомнить никого не может²⁶.

Противостоял влиянию епископа Алексия (Буя) епископ Елецкий, викарий Орловской епархии, Василий (Беляев; † после 1931 г.). Инокня Юлия (Ильина) рассказывала: «Преосвященный Василий почти ежедневно служил по церквам города Ельца и в произносимых им проповедях касался и деятельности епископа Алексия (Буя), разъяняя верующим неканоничность и мятежный характер оной. За это свидетельство об истине Преосвященный Василий подвергался яростным нападкам со стороны отпадших от послушания законному церковному священноначалию»²⁷. Противостояние в Ельце двух авторитетных архипастырей, бывших выразителями непримиримо противоположных в те дни подходов к отношениям с советской властью, не могли не сказаться на обстановке в Знаменской общине. Как видно из материалов следствия, благочинная мать София в последние годы перед окончательным закрытием монастыря постоянно занималась улаживанием споров между насельницами.

В 1928 г. началась новая кампания по закрытию обители. В начале декабря 1928 г. протоиерей Владимир Кавказский «ходил с иконой по кельям, чтобы чудотворная икона Знамения Божией Матери сохранила монастырь от нашествия власти»²⁸. 6 января 1929 г. местная газета «Красное знамя» сообщила, что вслед за работниками типографии и механического завода «собрание рабочих спирто-водочного завода единодушно высказалось за закрытие женского монастыря и организацию в нем рабочего поселка». Следующими подали голос 120 женщин, «в большинстве домохозяек», пришедших в центральную библиотеку на лекцию «Женский монастырь и его вредная деятельность». Они единогласно вынесли постановление «просить горсовет разогнать осиное гнездо поповства, укрепившееся за стенами монастыря»²⁹. В первых

числах февраля за закрытие обители проголосовали союз СТС, рабочие Елецкого элеватора и двух мельниц. Затем в газете последовала публикация подборки антимонастырских материалов под заголовком «Классовый враг в рясе наступает» с фотографией Знаменской обители. В комментарии подводился итог этой кампании и насельниц обвиняли в самогоноварении и непристойном поведении. «Монастырь, как это установлено, является не чем иным, как публичным домом, сеющим заразу среди окрестного населения», — аявлял автор материала, спрятавшийся за инициалом Т.³⁰

В начале марта 1929 г. состоялось заседание президиума Елецкого городского совета, на котором было принято решение «выселить монашек из занимаемых ими помещений бывшего женского монастыря, передав последние под рабочий городок, и возбудить ходатайство перед окрисполкомом о занятии монастырской церкви под дом культуры»³¹. 13 марта 1929 г. это решение было одобрено пленумом Елецкого горсовета³². Окружной исполнительный комитет «признал необходимым закрыть Елецкий женский монастырь, жилищную площадь использовать под квартиры рабочих, а церковь под культурно-просветительное учреждение»³³. Впрочем, еще до принятия официального решения о передаче монастырских помещений под жилье для горожан сюда уже активно селили мирян, отбирая кельи у Каменногорского сестричества.

4 марта 1929 г. по доносу проживавших в конфискованных монашеских кельях ельчан было возбуждено дело против игумении Антонии (Криворотовой), начальницы артели Маврикии (Лютиковой), письмоводительницы и уставщицы рясофорной монахини Юлии (Ильиной), председателя церковной общины Ивана Рязанцева и настоятеля Знаменского храма Владимира Кавказского. Их обвинили в том, что, являясь руководителями Елецкого женского монастыря, они «вели антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрассудков населения, что выразилось в создании группы в монастыре, проводящей работу по удержанию монастыря от его ликвидации, пострижении монахинь, разлагающем влиянии на детей»³⁴. Особым совещанием при коллегии ОГПУ 31 мая 1929 г. подсудимые были приговорены к 3 годам высылки³⁵. Монастырский храм был закрыт.

Известно, что осенью 1929 г. последняя настоятельница Каменногорья игумения Антония находилась в Ельце. Согласно архивным документам, «дело Криворотовой» было пересмотрено 3 сентября 1929 г. и ее высылку отложили до выздоровления игумении Антонии. А. Н. Доценко, работая над книгой «Святые лики над Ельцом», записала со слов старожилов следующее предание о судьбе игумении Антонии. После закрытия монастыря матушка через несколько лет вернулась в Елец. В конце 1930-х гг. ее вновь арестовали и на этот раз вместе с другими монахами и монахинями расстреляли. Иную версию мученической кончины игумении Антонии рассказала мне в июне 2006 г. бывшая алтарница Казанского кладбищенского храма В. М. Полева. Согласно преданию, слышанному Полевой, при закрытии монастыря игумения Антония категорически отказалась покидать обитель, сказав: «Я своими ножками в монастырь пришла и обратно своими ножками из монастыря

не уйду». Тогда ее, разбив в кровь голову, стащили по высокой каменной лестнице, ведущей с монастырской горы к святому источнику, а потом, привязав к лошади, влекли по каменистым городским мостовым. От полученных побоев настоятельница скончалась и была похоронена на старом городском кладбище, где сохранилась скромная могила с надписью на табличке: «Игуменья Антония Знаменского женского монастыря». Оба предания сходятся в одном: кончина последней настоятельницы Каменногорья была мученической, но документальных подтверждений ни одна версия пока не имеет. О расстреле игуменья Антонии сведений нет. Известно, что тела осужденных и расстрелянных в тюрьмах для похорон не выдавались, а погребались в общих могилах. В подтверждение приведу слова бывшей знаменской монахини Акилины: «Многих батюшек и иже с ними забрали позже, одних выслали, других расстреляли прямо в Ельце. Рядом с городом выкопали ров и там всех положили»³⁶. По-видимому, могила матушки на городском кладбище свидетельствует о том, что она погибла не в тюрьме.

Не избежали ареста монахини, отделившиеся от общины-артели Каменногорья и после окончательного разорения Знаменской обители бежавшие в соседний Задонск. Елецких инокинь арестовали в Задонске 28 сентября 1929 г., объявив участницами «контрреволюционной группировки», созданной последним настоятелем Задонского Богородицкого монастыря архимандритом Никандром (Стуровым). Ельчанки Мария Нагавкина и Александра Бобровская были заключены в концлагерь на 5 лет. Еще одной бывшей знаменской насельнице Елизавете Ивановне Бабеньшевой, дочери острогожского помещика, 5-летний срок в лагере был заменен высылкой³⁷. На основании следственных дел, хранящихся в фондах Государственного архива Липецкой области, был составлен «Алфавитный список репрессированных в годы советской власти священно- и церковнослужителей»³⁸. Согласно выборочной проверке, формулировка «проживала в г. Ельце, монахиня», в сочетании с местом рождения в Ельце или в относительной от него близости, с большой степенью вероятности свидетельствует о принадлежности именно к Каменногорской иноческой общине. Можно предположить, что в 1937–1938 гг. были осуждены еще 25 бывших знаменских монахинь, не покинувших Елец. Все они были признаны виновными по статье 58-10, сроки получали от 8 до 10 лет, а Матрена Сидорова 22 декабря 1937 г. была приговорена к расстрелу. Вина последней, обвиненной еще и в террористических намерениях, заключалась скорее в нежелании скрывать свои взгляды. На предложение купить облигации госзайма Сидорова ответила не по времени прямо и категорично: «Для большевиков и советской власти у меня денег нет»³⁹.

После закрытия монастыря и разгона насельниц монастырские кельи были отданы под квартиры нуждающимся ельчанам, в храме разместился на несколько лет клуб, затем церковь была разрушена. По рассказу ельчанки Е. И. Павловой, дочери бывшего знаменского священника Исидора Павлова, после закрытия монастыря главный храм обители разрушали дважды. «Разрушители хотели взять с храма кирпич, да весь кирпич рассыпался на куски, так что поживиться им не пришлось. Окончательно разрушали храм уже

во время войны... Это сделали люди в военной форме, которые подорвали здание. Дым рассеялся, а стен как не бывало»⁴⁰. Причем Павлова уверена, что это были не немцы. Когда последние во время оккупации стояли на Каменной горе, храм оставался нетронутым. По воспоминаниям Павловой, во время первого разрушения храма иконы забирать не разрешили, их куда-то вывезли. Но о. Исидору все же удалось тайно вынести 2 образа: Спасителя в терновом венце и икону Божией Матери. Эти спасенные святыни Павловы впоследствии передали в елецкие храмы — во имя Казанской иконы Божией Матери и в Вознесенский собор⁴¹.

После окончания Великой Отечественной войны в Елец начали возвращаться инокини Знаменского монастыря, у которых закончились сроки пребывания в лагерях и ссылках. К тому времени все городские храмы были закрыты, и только в кладбищенской церкви в честь Казанской иконы Божией Матери совершались службы. Некоторые из вернувшихся стали подвизаться при храме алтарницами. О судьбах последних знаменских монахинь поведала В. М. Полева. Монахиня Матрона († 1958 г.) отбывала срок «в таежном краю, в глухих местах». С ней разделяли лагерные тяготы матушки Акулина и Пелагея. Вместе вернулись, вместе трудились в Казанской церкви, рядом и похоронены. Не оставлена людской памятью и могила матушки Марии (Гриновой). 10 лет она отбыла в лагерях, добиралась назад без копейки денег. Монахиню Меланию вспоминают как «молчаливую», часто звали ее читать Псалтирь по усопшим. Читала всю ночь стоя. Когда же предлагали присесть, отвечала коротко: «Я трудиться пришла, а не сидеть». Архимандрит Исаакий (Виноградов) и его соратник иеросхимонах Нектарий (Овчинников) помогали вернувшимся инокиням. По их благословию бывших знаменских монахинь специально разыскивали, чтобы утешить и помочь.

Трагична история монахини Анастасии. После закрытия монастыря она поселилась в Ельце у учительницы, пасла ее коз, в конце 1930-х гг. была арестована и осуждена на 10 лет. После ссылки вернулась в Елец, пришла к той же учительнице. «Примешь?». «Не могу я тебя принять, — сказала со слезами женщина. — И прогнать не могу. Если согласишься в подвале жить и никуда не выходить, то оставлю». Анастасия согласилась и жила в вынужденном затворе. Приютившая Анастасию учительница умерла. Ее дом покосился, начала проваливаться крыша. Пришла комиссия, чтобы решить, что делать с домом. Во время осмотра обнаружили в подвале монахиню, пол в ее жилище был занесен снегом. Члены комиссии предложили ее оформить в дом престарелых. Но она отказалась: «Это... ничего, в Сибири куда страшнее было. Так что никуда я отсюда не пойду». «Так и доживала она в подвале, — рассказала В. М. Полева. — Только как все это открылось, мы узнали, рассказали иерею Николаю Овчинникову из Вознесенского собора. Он тут же денег дал. «Идите, — говорит, — наймите монтера, пусть ей свет в подвал проведет. Да печку туда поставьте». Так с его благословения мы матушку Анастасию и доживали. И похоронили. Было это уже в начале 1960-х».

По архивным документам известна судьба бывшей знаменской насельницы Марии Нагавкиной, осужденной на 5 лет по «задонскому делу» в 1929 г.

После заключения она попала на фронт, дослужилась до офицерского звания. После Победы продолжала службу в Советской армии. В 1950 г. исполняющий обязанности начальника контрразведки Северной группы войск, базировавшейся на территории Польши, запрашивал «в порядке проверки» уголовное дело Нагавкиной «офицера Советской армии, находящейся за пределами СССР»⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Геронтий (Кургановский; 1837/38 — 1903 гг.), церковный историк-краевед, автор историко-статистических описаний ряда монастырей Воронежской, Орловской и Новгородской епархий, а также жизнеописаний местночтимых задонских подвижников благочестия и прп. Кирилла Белозерского.
- ² Земля Липецкая: Наследие народов Российской Федерации. Вып. 3. М., 2003. С. 140.
- ³ Знаменскую обитель, как типичный южнорусский монастырь, описал В. И. Немирович-Данченко: «Каждый дом строили не по общему плану... а как хотелось его хозяйке. То узенький, в два этажа, по два, по три окна в каждом, то низенький и длинный, то с высокими, острыми, то пологими крышами. И всякая клетушка чувствует свою соседку локтем... Каждый домик в свою краску расписан: голубые, зеленые, красные, серые, бревенчатые, тесом обшитые — но все с крылечками в наружу, то под пестрым навесом, то совсем простенький. Между ними несколько побольше и пощеголеватее, железом крытые с рядами окон... Перед некоторыми — палисадники» (*Немирович-Данченко В. И. Наши монастыри. Соловки. Женская обитель. М., 2000. С. 197*).
- ⁴ Государственный архив Липецкой области (далее — ГА ЛО), ф. Р-2210, оп. 1, д. 19664, л. 107.
- ⁵ 6 июня 1918 г. к священнику Николаю Брянцеву, служившему в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Аргамачьей слободе, пришли 5 вооруженных красноармейцев с заданием конфисковать пролетку. Однако этим дело не ограничилось, красноармейцы начали грабить имущество священника. Брянцев попросил защиты у местных жителей. Узнав о грабеже, ударили в набат. Сбежались жители слободы, началась драка, погибли трое красноармейцев. Власти жестоко расправились с «повстанцами», сочинив эсеровский заговор и мятеж. Зачинщиков расстреляли.
- ⁶ *Чернобаев А. А. Продотряд. М., 1975. С. 49.*
- ⁷ Мамонтовцы — сторонники генерала К. К. Мамонтова, командовавшего белоказачьей конницей. В августе 1919 г. 4-й Донской конный корпус Мамонтова начал продвижение в тыл советских войск. На своем пути мамонтовцы разрушали железные дороги, мосты и узлы связи, грабили население, захватывали склады и базы, зверски расправлялись с советскими и партийными работниками.
- ⁸ Классовый враг в рясе наступает // Красное знамя. 1929. № 49.
- ⁹ Имеется в виду елецкий Троицкий мужской монастырь.
- ¹⁰ ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 19664, л. 103.
- ¹¹ Там же, л. 97.
- ¹² Там же, л. 236 об., 103.
- ¹³ Там же, л. 20, 20 об.
- ¹⁴ Там же, л. 20 об.
- ¹⁵ Там же, л. 21 об.
- ¹⁶ Там же, л. 20.
- ¹⁷ Там же, л. 19 об.
- ¹⁸ Там же, л. 20, 21 об., 90.

- ¹⁹ Там же, л. 94.
- ²⁰ Под иосифлянами имеются в виду сторонники митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), не признававшего полномочий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) после издания в 1927 г. Заместителем Местоблюстителя и Временным при нем Синодом «Декларации» о лояльности по отношению к гражданской власти.
- ²¹ Движение последователей епископа Алексия (Буя), наиболее радикально настроенных иосифлян. Термин введен сотрудниками следственных органов ОГПУ.
- ²² *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 40.
- ²³ ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 24975, л. 184.
- ²⁴ Там же, д. 19664, л. 20 об.
- ²⁵ Там же, л. 19 об.
- ²⁶ Там же, л. 21 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, л. 120.
- ²⁹ Красное знамя. 1929. № 18.
- ³⁰ Классовый враг в рясе наступает // Красное знамя. 1929. № 49.
- ³¹ Красное знамя. 1929. № 56.
- ³² ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 19664, л. 163.
- ³³ Красное знамя. 1929. № 18.
- ³⁴ ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 19664, л. 1.
- ³⁵ Там же, л. 246.
- ³⁶ *Доценко А. Н.* Святые лики над Ельцом. Елец, 2006. С. 128.
- ³⁷ ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 24975, л. 263.
- ³⁸ <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/pril/pril.html>
- ³⁹ ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 22955, л. 6.
- ⁴⁰ Земля Липецкая... Вып. 3. С. 140.
- ⁴¹ *Доценко А. Н.* Указ. соч. С. 128.
- ⁴² ГА ЛО, ф. Р-2210, оп. 1, д. 24975, приложения.